

Александр Грин

**Происшествие в квартире
г-жи Сериз**

Александр Степанович Грин
Происшествие в
квартире г-жи Сериз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=315852

Аннотация

«Калиостро не умер...»

Содержание

I	4
II	7
III	9
IV	14

Александр Степанович Грин Происшествие в квартире г-жи Сериз

*«Мало на свете мудрецов, друг Горацио».
Шекспир наизнанку*

I

Калиостро не умер; его смерть выдумали явно беспомощные в достижении высших истин рационалисты. Во времена Калиостро или, вернее, в ту эпоху, когда великий человек этот стоял на виду, рационалисты были еще беспомощнее. У них накопилось кое-что, правда: Ньютоново яблоко, Лавуазье¹ и т. п., но какими пустяками казалось это в сравнении с циклопическими знаниями знаменитого Калиостро! Ламбаль и Прекрасная Цветочница своевременно убедились в них.² Итак, рационалисты, эмпирики³ и натуралисты смер-

¹ Лавуазье, Антуан, Лоран (1743–1794) – французский химик.

² Принцесса Ламбаль, подруга Марии-Антуанетты (Мария-Антуанетта (1755–1793) – французская королева, казненная по постановлению трибунала во время Великой французской буржуазной революции.), зверски убитая во время сен-

тельно завидовали Калиостро, бессмертному и неуязвимому в своей мощи. Они ловко использовали то обстоятельство, что гениальный итальянец встретил ледяной прием в столице нашего отечества, а двор Екатерины, воспитанный на малопитательном для ума смешении юмориста Вольтера с стеклоделом Ломоносовым и футуристом Тредьяковским, не мог усвоить всей ценности знаний своего великого гостя.

Неуспех Калиостро приписали его бессилию, а отсюда заключили, что он смертен. Никто, правда, не видел его гроба, но общий голос решил: «помер, где-нибудь; тайно, стыдливо помер; помер, как пить дать». И это рационалисты! Но он, как сказано, не погрешил этим.

Калиостро, наскучив колоссальным театром истории, кою наблюдал около пяти тысяч лет, оставил мудрую Клио⁴ и удалился на одну из Гималайских вершин – Армун, затерянную в обширных джунглях. Это произошло в 1823 году. На Армуне Калиостро занялся чистым знанием: постижением начала вселенной – занятие, малопонятное игроку на биллиарде или ялтинскому проводнику, но единственное, на чем

тябрьских убийств. Прекрасная Цветочница – прозвище девушки из народа, посаженной на раскаленные острия пик санкюлотов по приказанию Теруан-де-Мерикур, любовницы Марата. Смерть обеих была предсказана Калиостро в 1789 году.

³ Эмпирики – последователи учения, признающего опыт (чувственное восприятие) единственным средством достоверного познания.

⁴ Клио – в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница истории.

мог сосредоточить теперь пламя своего ума Калиостро, знающий все. Воспитанник халдейских жрецов,⁵ основатель масонских лож и сенешал⁶ Розенкрейцеров,⁷ – он не очень-то стеснялся на Армуне с покорной ему материей. Сложное, непреодолимое движение его воли мгновенно перевело идею предметов в первооснову материи; она, забушевал, приняла послушные формы, и на снеговой вершине Армуна сверкнул, как выстрел, мраморный дворец, застыв в законной неподвижности веса и трех измерений.

⁵ Халдейские жрецы – жрецы из Вавилонии, правившие ею в 625–537 гг. до н. э.

⁶ Сенешал – королевский дворецкий во Франции V–VIII веков.

⁷ Розенкрейцеры – члены возникших в XVII веке в Европе религиозно-философских тайных обществ, слившихся впоследствии с масонами.

II

В конце июля 1914 года большой пантакль Соломона, лежавший на письменном столе Калиостро, издал тихий звон и на краях его вспыхнули голубые пятна тусклого, как сумерки, света. Это указывало на сотрясение мирового эфира. Заинтересованный Калиостро посмотрел в овальное зеркало Сведенборга и увидел символы огромной войны, предсказанной Сен-Жерменом еще в 1828 году. Множество других признаков подтверждало это: резец из горного хрусталя, укрепленный над девственным пергаментом, писал знак Фалега, духа планеты Марс; неподвижно висевший в воздухе цветок Мира завял, и тень крови пала на благородное чело бюста Агриппы.⁸

Согласно договору, заключенному лет триста назад между Калиостро и десятью сефиротами, элементалами Белой магии, – Калиостро мог постигать смысл текущих событий и развитие их не иначе, как совершив предварительно акт Добра, направленный против Самоэля, духа яда и смерти. Вспомнив это и горя желанием проникнуть в разум событий, он немедленно приступил к действиям.

– Мадим, Цедек, Шелом-Иезодот, – тихо сказал он, – ко мне! Моя мысль – моя воля!

⁸ Агриппа – Марк Випсаний Агриппа (ок. 63–12 до н. э.) – римский полководец, строитель многих сооружений в Древнем Риме – водопровода, Пантеона и др.

Погас свет, и тотчас в глубоком мраке наметились гигантские очертания трех сефиротов; контуры эти колебались, светились – напряглись, получили непроницаемость, вес, тело, дыхание – и пол скрипнул под их ногами.

Цедек был сефирот прямоты, Мадим – страшной силы, Шелом-Иезодот – разрушителем оснований, то бишь принципов.

– Цедек, разбей воздух на запад, – сказал Калиостро, – Мадим, уничтожь пространство, а ты, Шелом-Иезодот, как самый ленивый, получишь более всех работы. Разрушь мое принципиальное равнодушие к судьбе людей!

Вновь вспыхнул свет; фантомы исчезли; беззвучный ураган молнией пролетел от Армуна к Бельгии; пространство пало, воздух исчез полосой в сто футов, а непоколебимое равнодушие Калиостро сменилось доброй улыбкой. И вот первое, что увидел он в стране горя и что должно было послужить взяткой сефиротам за единение с Разумом событий, именуемым Ацилут.

III

В маленькой, но чистой квартире, соблазнительно уютной и светлой, сидела в кресле ушедшего под форты мужа маленькая госпожа Сериз. Опишем наружность ее, которая понравилась Калиостро: чистый, правильный лоб, мягкий профиль, темнорусые волосы, нежный рот и все нежное. Взгляд ее темных глаз был важный и милостивый, и светилося в нем порядочно некой хорошей глупости, что извинительно, так как юной женщине этой было всего двадцать лет. Глаза ее были вчера заплаканы, а сегодня остались в них следы слез – тяжесть ресниц.

Госпожа Сериз занималась вот каким делом: она читала роман, судьба героев которого напоминала ее судьбу; в этом романе Альберт Вуаси тоже ушел на войну и у него тоже была жена. Разумеется, г-жа Сериз сделала эту жену собой, а господина Вуаси – господином Сериз. В процессе чтения вздумалось ей загадать следующее: если Вуаси благополучно вернется, то и Сериз благополучно вернется, а если Вуаси неблагополучно вернется, то и Сериз последует его примеру. С пылкостью, свойственной любви и молодости, г-жа Сериз тотчас же уверовала в гадание и гадала уже триста пятнадцатую страницу, как вдруг, перевернув ее, увидела карандашную надпись, выведенную нем-то на переплете: «Дико и некультурно вырывать страницы; на это способен только

немец; стыдитесь, неизвестный вырванец!»

Увы! последние страницы были вырваны! А г-жа Сериз и не подозревала этого! Гадание, таким образом, кончалось на следующих словах: «Шатаясь от усталости, Альберт Вуаси обнажил палаш и кинулся к по...». Дальше шла вышеупомянутая справедливая надпись. Г-жа Сериз топнула обеими ножками и едва не заплакала. Что произошло с Вуаси? И к чему кинулся он, к какому такому «по...». Если это – пороховой погреб – от Вуаси мало чего осталось. Если – по...лку, то он тоже не выстоял один против сотен людей. Если – по...гибели, то... каждый понимает, что это значит и не следовало писать такой глупый роман.

Видя огорчение госпожи Сериз, Калиостро, стоя на вершине Армуна, мыслью приказал явиться новому взводу сефиротов. То были: Бина, сефирот Разумного действия, Хесед, сефирот Сострадания и Нэтцах – Стойкость победы. С крыльев их сыпался свет, их глаза заботливо смотрели на Калиостро, повиновались которому они охотно и без капризов.

– Я думаю, – сказал Калиостро, – я думаю нечто, что должно быть исполнено. Моя мысль – мое приказание!

Тотчас же сефироты прониклись его желаниями и скрылись. Бина, исчезая, усмехнулся: ему нравилось интересное поручение. В мгновение, столь быстрое, что оно не было даже временем, он принял вид Альберта Вуаси и явился перед г-жой Сериз, которая к этому моменту была лишена Калиостро способности изумляться – на время визита Бины. Ее

состояние допускало теперь, незаметно для нее самой, принимать как должное все, что бы она не увидела.

– Здравствуйте, г-жа Сериз! – сказал Вуаси-Бина, оправляя гусарский ментик, – «...следнему неприятельскому солдату».

– Г-н Вуаси! – строго заявила г-жа Сериз. – Вы исчезли с триста пятнадцатой страницы, хотя должны были гнать, что я гадаю на вас. Вы исчезли, оставив это страшное «по...».

– Так, – сказал Вуаси-Бина. – Я кинулся к последнему неприятельскому солдату и взял его в плен.

– Так ли, г-н Вуаси?

– Да, это так. Поверьте, мне лучше знать: ведь я герой того романа, что лежит на вашем столе. Впоследствии, когда вам попадет в руки второй, целый экземпляр этой книги, вы почувствуете ко мне полное доверие.

– Значит, вы благополучно вернулись?

– Чрезвычайно благополучно. Настолько благополучно, что советовал бы некоторым дамам гадать на мою особу, – в известных целях.

Г-жа Сериз покраснела и стала кашлять. Она покашляла с минуту, не более, но так выразительно, что Бина-Вуаси счел долгом помочь ей.

– Г-н Сериз, конечно, здоров, – сказал он. – Он вернется.

– Вы думаете?

– Я знаю это. Ему ворожила очаровательная бабушка будущих своих внуков.

Г-жа Сериз, в виде благодарности, заинтересовалась положением самого Вуаси.

– Так вы, значит, женились на мадемуазель Шеврез?

– Как полагается.

– По любви?

– Да.

– И были ей хорошим мужем?

– Сударыня, – возразил Вуаси-Бина, – автор в противном бы случае не сел бы писать роман.

Г-жа Сериз растроганно протянула ему руку. Но окончился срок сефирота: материя, коей был облечен он, распалась в ничто, и рука женщины встретила пустоту и вернулось изумление.

– Что это? – сказала она, вздрагивая. – Я, кажется, слишком много думала об этом романе. С кем говорила я? Ах, тоска, тоска! Был здесь г-н Вуаси или нет? Если он был, то уход его не совсем вежлив.

Она томилась, и тут начал работать Хесед, коему поручено было рассмешить г-жу Сериз, это во-первых, и внушить ей Радостную уверенность – во-вторых. Сефирот оживил фотографию г-на Сериз, стоявшую на каминной доске. Как только взгляд г-жи Сериз упал на этот портрет – с ним произошли поразительные, странные вещи: левая рука ловко закрутила черный, молодой ус; один глаз комически подмигнул, а другой стал вращаться непостижимым, но совершенно не безобразным образом, и г-жа Сериз окаменела от

удивления. А глаз все подмигивал, ус все топорщился, и было это так нежно и смешно, что г-жа Сериз, не выдержав, расхохоталась. Этого и добивался Хесед; тотчас же он проник в доступное в эту минуту сердце женщины и Радостная уверенность была с ней. Конечно, она долго протирала глаза, когда портрет успокоился, но это ничего не сказало ей; она бессильна была решить – было то, что было, или же было то, чего не было? Так гениальный Калиостро распорядился ее сознанием.

IV

Третий сефирот, Нэтцах, очутился на гребне бельгийского окопа и тщательно поймал свою крепкой, как алмаз, рукой штук девять шрапнельных пуль, готовившихся пробить г-на Сериз. Он так и остался при нем, щелкая время от времени пальцем по некоторым весьма назойливым гранатам и бомбам. Сефироты, как и люди, нуждаются в отдыхе; отдых Нэтцаха, когда он предавался ему, состоял в том, чтобы портить неприятельские материалы. Он трансформировал взрывчатые вещества, делая из пороха нюхательный табак, – тогда при выстреле все чихали, и чихали так долго, что уж никак не могли взять верный прицел; или забивал пулеметы сжатым ветром, отчего пули их летели не далее трех шагов.

Много поднялось к небу душ с поля сражения, но не было среди них ни одной немецкой души. «Есть ли душа у немца?» – размышлял сефирот. Оставим его решать этот вопрос: мы уже решили. Есть, но она в пятках и не показывается.

Калиостро посмотрел в зеркало Свенденборга и увидел, что приказания выполнены. Тогда он взглянул наверх, к высокому потолку, где в сумерках снежного вечера тихо плавали чудесные лилии Ацилут – Мира сияния. Лилии издавали тонкий, прекрасный аромат, и аромат этот был Разум

событий, и Калиостро погрузился в него. Каждому открыт Разум событий, кто поступает, как поступил Калиостро, но немногие знают это.

Вокруг вершины Армуна бушевала метель. К огромному зеркальному окну дворца подошел каменный баран; гордые, голодные глаза его выразительно смотрели на Калиостро, а на великолепных рогах белел снег.

– Ступай, дикий, ступай, – сказал Калиостро, – немного вниз и немного налево! Там есть еще довольно травы.

Баран исчез, и был ему по его бараньему положению – травяной кусок хлеба.

Так жил могущественный Калиостро на пике горы Армун, в северном Индостане, где никогда и никто не видел его. Все, описанное здесь, – истинно, и в заключение можем мы привести одну из семи тайных молитв Энхеридиона, читаемую по воскресеньям:

«Избави меня, Господь, свое создание, от всех душевных и телесных страданий, прошедших, настоящих и будущих. Дай мне, по благодати твоей, мир и здоровье и яви свою милость мне, слабому твоему созданию!»